

- ³³ Франк С. Л. О поисках смысла войны // Там же. С. 126.
- ³⁴ Франк С. Л. О духовной сущности Германии // Там же: 1915. Кн. 10. С. 12, 16—17.
- ³⁵ Франк С. Л. Мобилизация мысли в Германии // Там же. 1916. Кн. 9. С. 25.
- ³⁹ Франк С. Л. Социальная философия и философия истории // Очерк русской философии истории. М., 1996. С. 290.
- ³⁷ Нива Ж. Василий Розанов // История русской литературы. XX век. Серебряный век. М., 1995. С. 306—307.
- ³⁸ Шперк Ф. Э. В. В. Розанов (опыт характеристики) // В. В. Розанов: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 261—262.
- ³⁹ См.: Антонов Н. Р. Сергей Николаевич Булгаков и его религиозно-общественное мирозерцание. СПб., 1912. С. 5; Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России. Возрождение православия // РМ. 1916. Кн. 6. С. 4—5, 29—30; Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 67, 98—99.
- ⁴⁰ Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. СПб. 1903. С. XIII, XIX—XX.
- ⁴¹ Булгаков С. Н. О социальном идеале // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 3 (68). С. 315—316.
- ⁴² Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 92—93, 184—186, 239. Ср.: Шеллинг Ф. Соч. М., 1987. Т. 2. С. 451—455.
- ⁴³ Булгаков С. Н. Апокалиптика, социология, философия истории, социализм // РМ. 1910. Кн. 6. С. 69—70.
- ⁴⁴ Там же. Кн. 7. С. 10—12, 26—27.
- ⁴⁵ Булгаков С. Н. Два Града. М., 1911. Т. 1. С. XX—XXI.
- ⁴⁶ Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Paris, 1991. С. 83—84.
- ⁴⁷ Булгаков С. Н. Русские думы // РМ. 1914. Кн. 12. С. 108—110.
- ⁴⁸ Булгаков С. Н. Война и русское самознание. М., 1915. С. 20—21, 31, 43—44, 50. См. также: Булгаков С. Н. Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве // История экономической мысли. М., 1916. Т. 1, вып. 3. С. 51—52; Аскольдов С. Отзвуки славянофильства в год войны // РМ. 1916. Кн. 3. С. 1—5 Обзоров.
- ⁴⁹ Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Сергиев Посад, 1917. С. II—IV.
- ⁵⁰ Там же. С. 352—353, 408—409.
- ⁵¹ Булгаков С. Н. Человечность против человекобожия. Историческое оправдание англорусского сближения // РМ. 1917. Кн. 5—6. С. 31—32.
- ⁵² Булгаков С. Н. На пиру богов. Киев, 1918. С. 9—11, 16—19. См. также: Хеллман Б. Когда время славянофильствовало. Русские философы и первая мировая война // Проблемы истории русской литературы начала XX века. Helsinki, 1989. С. 233—234.
- ⁵³ Франк С. Л. Кризис западной культуры // Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922. С. 38.
- ⁵⁴ Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста // Там же. С. 61—62.
- ⁵⁵ Шпет Г. Г. Соч. М., 1989. С. 374—376, 378—379.
- ⁵⁶ Шпет Г. Г. Явление и смысл. М., 1914. С. 7—8.
- ⁵⁷ См.: Кареев Н. И. Густав Шпет. История как проблема логики // Голос минувшего. 1916. № 9. С. 236—238; Эрн В. Ф. Проблема истории. (По поводу диссертации Г. Г. Шпета «История как проблема логики») // ЖМНП. 1917. Июнь. С. 314—330; Ивановский В. Н. Логика истории как онтология единичного // Труды Белорусского гос. ун-та. 1922. № 1. С. 14—25. См. также: Творческое наследие Г. Г. Шпета и современные гуманитарные исследования. Томск, 1991. С. 80—88.
- ⁵⁸ Шпет Г. Г. Философия и история // Вестник МГУ. 1994. Серия 7. Философия. № 3. С. 10, 12. См. также: Шпет Г. Г. История как проблема логики (автореферат) // ИИ. 1916. № 1. С. 69—70.
- ⁵⁹ Шпет Г. Г. Первый опыт логики исторических наук // Вопросы философии и психологии. 1915. Кн. 3 (128). С. 381.
- ⁶⁰ Шпет Г. Г. История как проблема логики. М., 1916. С. 23—25.
- ⁶¹ Шпет Г. Г. История как предмет логики // Научные известия. М., 1922. Сб. 2. С. 35.
- ⁶² Шпет Г. Г. 1) История как проблема логики. Ч. 2. Гл. VII. Вильгельм Дильтей // Вестник МГУ. 1996. Серия 7. Философия. № 4. С. 55—61; № 5. С. 47—67; 2) Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1989. С. 231—268; Контекст-1990. С. 219—259.

В. М. Панях

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ: НА ПУТЯХ К ДОКТОРСКОМУ ДИСПУТУ

15 августа 1933 г. Б. А. Романов был освобожден из концлагеря системы Белбалтлага, где он отбывал срок по приговору тройки ОГПУ в связи с сфабрикованным «Академическим делом» 1929—1931 гг.¹ Местом жительства ему директивно определили город Луга в 137 км от Ленинграда. Тем самым, как писал Б. А. Романов, ему было отказано в праве «проживания

с семьей в Ленинграде», что «было равносильно практически отлучению от возобновления научной работы и обречению на нищенское, никому не нужное существование в 101-километровой зоне».² И все же длительные и мучительные хождения по различным учреждениям в попытках выхлопотать разрешение вернуться в Ленинград, в квартиру (ставшую коммунальной), которая еще в дореволюционные годы принадлежала его отцу и в которой он до ареста жил с женой в двух маленьких комнатах, привели к получению временной прописки. Но всякий раз, когда ее срок заканчивался, ему приходилось заново проходить тягостную процедуру для ее возобновления. В период паспортизации середины 30-х гг. Б. А. Романов находился под угрозой и на грани высылки из города на 101-й км, а во время советско-финляндской войны, в конце 1939 г., эта грань была перейдена: он был выслан и жил некоторое время в рабочем поселке Окуловка Ленинградской области. Само собой разумеется, что у Б. А. Романова отсутствовали средства к существованию, кроме небольшой зарплаты жены, врача по профессии. Работу по специальности он не мог получить вплоть до середины 1941 г. Вероятно, был наложен запрет и на появление его имени в печати. Во всяком случае, до 1940 г. под своей фамилией он выступал всего два раза: в 1934 г. — с рецензией на одну публикацию и в 1939 г. — при издании второго тома лекций А. Е. Преснякова, текст которых он подготовил. Оставалось одно: искать заказы по договорам в издательствах и академических институтах. В последних вначале ему удавалось заключать договоры только на подготовку внутренних рецензий. Позднее, с 1937 г., Б. А. Романова стали привлекать и для участия в ряде коллективных трудов академических учреждений.

Ведение самостоятельной исследовательской работы осложнялось тем, что по приговору у него было конфисковано имущество, и прежде всего бумаги ученого. Особенно «тягостной», как он писал, стала утрата «всех собранных» им ранее «научных материалов (на 2 книги, не считая мелочей!)» — удар, который ему трудно было пережить.³

Творческая деятельность была осложнена и глубокой психической травмой, вызванной длительным заключением в тюрьме, а затем в концлагере. Одним из самых губительных и обесценивающих факторов жизни людей, вернувшихся из заключения в советских концлагерях и тюрьмах, был страх повторного ареста, страх быть искалеченным в тюрьме, страх насильственной смерти. Он не отпускал ни на минуту, заставлял тратить последние силы на попытки его преодоления. И все равно страх был непреодолим. На закате жизни в личных письмах Б. А. Романов неоднократно возвращался к этому: «Очень бы хотелось, — писал он, — избавиться от <...> ужасного гнета, висящего надо мной скоро, как четверть века, и составляющего нервный ствол твоей второй жизни. Если бы только могли себе представить, какой это ужас...». О том же он писал в другом письме: «Что до меня лично, то вся моя рабочая жизнь прошла под знаком того, что ты работаешь и пишешь, а напечатают ли тебя когда-нибудь, не знаешь, не знаешь и когда же уволят тебя на улицу. А было время, когда ты не знал, будешь ли ты жить даже».

Преодоление последствий заключения было сопряжено для Б. А. Романова с большими потерями — психическими перегрузками, нервными срывами. Ему в это время приходилось даже обращаться к лечению у психиатра. Но в борьбе со страхом, с неблагоприятными обстоятельствами, с самим собой Б. А. Романову удавалось преодолевать упадок сил, и тогда он проявлял поразительную работоспособность — днями и ночами не отходил от письменного стола.

На мрачном фоне жизни Б. А. Романова в этот период блеснул один обнадеживавший, хотя и узкий луч: случайно в одном из издательств обнаружилась рукопись его написанной до ареста научно-популярной книги о русско-японской войне. Рукопись объемом в 4 печ. листа, заказанная Ком-

академией и одобренная в свое время, стала исходной точкой для продолжения работы над этой проблематикой. Б. А. Романов обдумывал возможность ее переделать и расширить до 10 печ. листов. В сентябре 1934 г. ему удалось даже подписать договор с Академией наук СССР на написание популярной книги объемом в 7 печ. листов, а уже в середине 1935 г. Б. А. Романов выполнил это обязательство, представив текст работы под заголовком «Русско-японская война. 1895—1905 (политико-исторический очерк)». Такие темпы наложили отпечаток на его состояние здоровья. Б. А. Романов писал П. Г. Любмирову, своему близкому другу еще со студенческих лет, что эта работа надорвала ему силы.⁴ Но уже написанная книга лежала без движения, и это беспокоило и раздражало ее автора.

1935 год ознаменовался присвоением докторских степеней без защиты диссертаций ряду крупных ученых после правительственного постановления о возврате к системе научных степеней, отмененных вскоре после Октябрьской революции. Б. А. Романов же, автор фундаментальной книги «Россия в Маньчжурии» (1928) и большого числа статей и документальных публикаций остался вне этого процесса: «Здесь у нас идет процесс докторизации, — писал он П. Г. Любмирову. — <...> Но какова жизнь! Волею судеб я поставлен вне его и как бы зарастаю коростой антижизни. Отсюда и сам можешь заключить, что со здоровьем у меня неважно и не лучше».⁵

Но Б. А. Романов все же предпринял попытку получить докторскую степень без защиты — за совокупность своих трудов. С этой целью в декабре 1935 г. он обратился с заявлением в Академию наук, откуда дело, по поручению ВАКа, было передано в Ученый совет Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ), но Б. А. Романов несколько лет оставался в неведении относительно результата своего ходатайства — ответа все не было.

В середине 1936 г. ученый вновь возвратился к ждущей издания книге о русско-японской войне, путь к читателям которой оказался долгим и тернистым. Вспоминая через несколько лет (в речи на докторской защите) об истории ее текста, Б. А. Романов отметил, что она, будучи задуманной «в виде совсем популярной брошюры, <...> конечно сразу же встала на плечи своей массивной предшественницы» («России в Маньчжурии»). Но здесь автор «впервые получил свободу от тех рабочих и исторических задач и самоограничений, которые связывали» его «прежде». Поскольку «протекшие годы принесли новый материал для оправдания документального расширения горизонтов изложения», Б. А. Романова «опять потянуло на исследование». «Некоторые существеннейшие публикации, русские (дневник Куропаткина, донесения Извольского, дневник Ламздорфа и др.) и особенно иностранные <...> приходили в Академическую библиотеку и прямо со стола новинок поступлений поступали» к нему «в работу». «С великим сожалением, — говорил далее Б. А. Романов, — при компоновке книги многое приходилось выключать из изложения и собственными руками заведомо портить свое собственное дело». В результате брошюра выросла до 10 печ. листов «чистого текста», «так что об аппарате и помыслить было нельзя, а между тем злонравно сбивалась на исследование».

Когда же в 1936 г. Институтом истории рукопись книги «была передана на отзыв <...> А. Л. Попову, он, указав на „большой интерес“, который работа вызовет у „квалифицированного читателя“, на „тонкость анализа“ и „несомненную ценность“ ее, предложил приспособить ее для такого читателя». Опираясь на эти рекомендации, дирекция Института истории направила Б. А. Романову письмо с предложением «расширить объем работы и придать ей научно-исследовательский характер, снабдив ее аппаратом». Это отвечало интересам автора, и, разумеется, он «охотно принял это предложение и успел расширить текст до 14 печ. листов и покончить с аппаратом, как месяца через два» после первого предложения «последовало второе: не

продолжая переделки масштаба работы, вернуть ее для представления в НКВД» (Народный комиссариат иностранных дел — В. П.) — с тем, что, если она получит одобрение, «работа будет принята к печати в наличном состоянии готовности». Так «в неперемасштабленном виде текст опять ушел из рук» Б. А. Романова. Ему даже пришлось досылать «вдогонку» «часть дополнений, бывших в полуделе». А между тем «значительная доля интереснейшего для расширения сцены и усложнения сюжетного состава книги материала осталась неиспользованной», тогда как «приток его через стол новинок продолжал идти своим чередом».⁶

Разрешение Наркоминдела было получено весной 1937 г. Интерес к книге опального автора со стороны руководства Института и внешнеполитического ведомства подожевался назревшим острым конфликтом с Японией, приведшим к вынужденной продаже КВЖД марионеточному государству Маньчжоу-го. Однако неожиданно Б. А. Романов получил новую рецензию на уже одобренную работу — А. Л. Сидорова (в прошлом ученика М. Н. Покровского), назначенного Институтом ответственным редактором книги. В ней помимо грубых политических выпадов в адрес автора содержался ряд требований, выполнение которых привело бы к необходимости коренной переработки содержательных и концептуальных основ книги. А. Л. Сидоров обвинил Б. А. Романова во «вредной политической тенденции», во «вредной точке зрения, льющей воду на сторону японским фашистам», в «антиленинском характере» «отдельных замечаний» по вопросу о классовой базе царизма, в следовании концепции Покровского. Рецензент потребовал неукоснительного следования «ленинской теории по существу», раскрытия «ленинского содержания военно-феодалного империализма», расширения «раздела о войне», введения главы о революции 1905 г. с показом классовой борьбы, «сокращения материала других глав». В случае же несогласия Б. А. Романова с требованием коренной переработки книги А. Л. Сидоров предложил переиздать монографию «Россия в Маньчжурии», которая, по его мнению, имела «меньше ошибок».

Вся рецензия, разумеется, опиралась на цитаты из работ Ленина и Сталина и была выдержана, по свидетельству Б. А. Романова, в «снисходительно-пренебрежительном тоне». Он не без основания опасался, что такой отзыв окончательно похоронит результаты его труда и воспрепятствует изданию книги. Поэтому Б. А. Романов направил в адрес Института истории развернутый ответ (сохранился его черновой экземпляр), категорически отвергнув прежде всего те нападки рецензента, которые касались якобы наличия вредной политической тенденции в книге. Сославшись на ее одобрение Наркоминделом, который «не заметил» этой тенденции, Б. А. Романов показал, что подлинное содержание книги рецензент «замалчивает» и приписывает автору не разделяемую им концепцию, согласно которой именно «России, а не Японии принадлежит роль разбойника и агрессора в войне».

Б. А. Романов напомнил, что ему «была заказана книга», содержащая «политико-исторический, а не военно-политический очерк». Требование же написать главу о революции он оценил как «безответственное, особенно в устах автора специальной работы о „влиянии мировой войны на экономику России“, где ему пришлось выключить из изложения не только что классовую борьбу и революционное движение, но целые секторы самой экономики оставить без своего внимания». «В области экономики и революционного движения, — писал Б. А. Романов, — я должен, имею право и могу — только исходить из общеизвестных фактов и вводить напоминания о них в основное русло своего изложения в тех пропорциях, которые диктуются масштабами этого основного русла».

Опасному обвинению в следовании теориям М. Н. Покровского Б. А. Романов противопоставил расходящееся с ними изложение своего понимания проблемы российского империализма, которое еще в книге «Россия

в Маньчжурии» было противопоставлено концепции о неимпериалистическом характере русско-японской войны, развиваемой именно Покровским. В ответ же на упрек в том, что Б. А. Романов «снимает ответственность» за войну с Николая II (поражительным образом совпадением с попыткой в 1930 г. приписать ему следователем ОГПУ вину за написание книги «Россия в Маньчжурии» специально для оправдания царя), «смазывая разницу» между Безобразовым и группой Витте—Ламздорфа, он отметил, что А. Л. Сидоров придерживается концепции «виновников войны», «придуманной самим Витте». Но «политически всякий вариант прежней концепции <...> вреден потому, что теоретически несостоятелен и затушевывает агрессора в лице Японии». Тем самым Б. А. Романов отверг и политическое обвинение в том, что он «льет воду на мельницу» японских империалистов. Но он не ограничился этим, а дал уничтожающую оценку книги Б. Б. Глинского «Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа Витте» (Пг., 1916), в которой автор задался целью обелить внешнюю политику С. Ю. Витте и снять с него вину за участие в развязывании войны: «Эта книга, — писал Б. А. Романов, — явилась историко-политическим апофеозом „особливого“, почти славянофильского, „культурного“ и „мирного“ русского империализма — представители которого <...> вовсе не рассчитывали лететь в пропасть вместе с царизмом». Рассмотрев полемику по этому вопросу между Б. А. Романовым и А. Л. Сидоровым, Б. В. Ананьич с полным основанием отметил: «Б. А. дал чрезвычайно интересную характеристику теории Витте о „мирном“ экономическом проникновении в Маньчжурию, показав ее части славянофильские корни». ⁷ Гипотезу о том, что книга Б. Б. Глинского являлась как бы частью мемуаров Витте, написанной вместе с рядом его литературных помощников, Б. А. Романов высказал еще в ранних работах 20-х гг. Его ученики Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин обнаружили после кончины своего учителя ее рукопись и полностью подтвердили его наблюдение. ⁸

Б. А. Романов показал, что А. Л. Сидоров критикует книгу с позиции «разделявшей им недавно концепции о неимпериалистическом характере русско-японской войны и о нехарактерности экспорта капиталов для русского империализма», а следовательно, он так и не преодолел «влияния этой реминисценции», несмотря на то, он «переменил теоретическое место, перекочевал на другую методологическую позицию». Тем самым Б. А. Романов прозрачно намекнул на рецидивы в воззрениях А. Л. Сидорова методологических установок, выработанных М. Н. Покровским и его учениками, и, верный традициям петербургской исторической школы, указал на неразрывность фактов и теории: «А. Сидоров хочет, чтобы я ему и теорию повернул на 180°, и фактов не тревожил бы, оставив их в прежнем расположении и связи. Но тогда „факты“ и „теория“ будут глядеть в разные стороны, а к старым фактам вернется и старая теория». ⁹

Ответ Б. А. Романова А. Л. Сидорову впервые в его практике был снабжен большим числом цитат из сочинений В. И. Ленина, при этом они противопоставлялись другим цитатам из того же автора, а также из сочинений И. В. Сталина, приведенным в рецензии. Нетрудно заметить, что в такого рода полемику он был втянут рецензентом. В создавшихся условиях Б. А. Романов стоял перед выбором: либо отказаться от издания книги, понеся моральный урон и лишившись одного из основных на этот момент средств существования, либо принять правила игры, ставшие абсолютно обязательными для всех и теперь навязываемые ему. Отказ от публикации книги означал бы для Б. А. Романова полное и окончательное отлучение от исследования проблематики, связанной с международными отношениями конца XIX—начала XX в. Все это с фатальной безысходностью вынуждало его принять правила игры и не только в догматической по методам полемики с А. Л. Сидоровым, но и озаботиться тем, чтобы в его будущей книге эти

правила также были соблюдены: «Высказывания Ленина и Сталина, которые напоминают и указывает мне рецензент, — писал Б. А. Романов, — поскольку они мне были известны, служили мне руководством — будут теперь использованы мной текстуально, и будет соответственно обривизован весь текст книги». При этом он оговаривал, что необходимо «увязать отдельные моменты изложения» с «высказываниями» Ленина, тем самым намекая, что первичными останутся его выводы, основанные на анализе фактов, цитаты же станут служить своеобразным щитом, обеспечивающим издание книги и последующую защиту от нападков на нее.

Б. А. Романов действительно сразу же принялся за эту работу, оснащая книгу избыточным числом цитат из работ «классиков марксизма-ленинизма», и среди этих цитат фигурировали едва ли не все те, которые приводились как в рецензии А. Л. Сидорова, так и в ответе ему. Интересно, что столь жесткая перепалка между А. Л. Сидоровым и Б. А. Романовым не только не испортила их отношений, но и не помешала их последующему сближению. А. Л. Сидоров не отказался от обязанностей ответственного редактора книги, а после войны, когда он занял важные административные посты в Институте истории, стал постоянно оказывать покровительство Б. А. Романову и его ученикам.

Не успел Б. А. Романов еще завершить доработку книги, как ему был нанесен весьма болезненный удар. В ответ на ходатайство о присвоении по совокупности трудов докторской степени без защиты диссертации, датированное еще декабрем 1935 г., через два с половиной года, летом 1938 г., ему наконец был прислан протокол решения ученого совета МИФЛИ, содержащий ничем не мотивированный отказ.¹⁰ Б. А. Романов вполне обоснованно оценил эту акцию как дискриминационную и связанную с его положением формально безработного, подвергавшегося репрессиям и вообще живущего в Ленинграде на птичьих правах. Но он не смирился с этим и написал резкое письмо в МИФЛИ с требованием обосновать негативное решение его Ученого совета. В ответе, полученном вскоре, сообщались мотивы отказа в докторской степени: книга Б. А. Романова «Россия в Маньчжурии» написана под влиянием работ М. Н. Покровского, приведенный в ней материал устарел и потому не представляет научного интереса, отсутствуют ссылки на произведения Ленина и Сталина.¹¹

Б. А. Романов счел этот ответ оскорбительным для себя и сразу же отправил аргументированный протест в ВАК. Он показал, что не только не находился под влиянием Покровского, но в теоретическом и методологическом отношении противостоял ему. Но особенно задел Б. А. Романова упрек в низком научном уровне книги. Это «бесповоротно опорачивает, — писал он, — всю мою научную работу, начиная со студенческой скамьи (1908 г.) и до последнего дня». Ученый выразил удивление по поводу утверждения, что материал, положенный в основу книги, уже устарел — особенно принимая во внимание то, что после него этой темой никто не занимался. Б. А. Романов сообщил о написанной им новой книге «Русско-японская война», принятой Институтом истории АН СССР к печатанию, которая «ориентирована на более широкую международность темы» и опирается «на марксистскую теоретическую базу». Итак, ученый вновь вынужден был убедиться в том, что впрямь, при издании новых работ, посвященных истории международных отношений конца XIX—начала XX в., ему будет невозможно избежать того, без чего он обходился в своих прежних работах, — ритуальных жертвоприношений в виде ссылок на Ленина и Сталина.

Апелляция была составлена столь убедительно, что решение о пересмотре вопроса последовало очень быстро. Но Б. А. Романов в своем заявлении допустил существенный просчет, выразив удивление, что не удостоился «даже степени кандидата исторических наук».¹² Высшая аттестационная комис-

сия и воспользовалась этим, поручив своим решением от 23 февраля 1939 г. Ученому совету Ленинградского университета «рассмотреть апелляцию Б. А. Романова на решение Совета МИФЛИ», отказавшего ему в присуждении ученой степени не доктора, а кандидата исторических наук.¹³

Уже на 23 марта 1939 г. было назначено заседание Ученого совета исторического факультета ЛГУ. 20 марта свой отзыв направил в Совет Е. В. Тарле, с которым Б. А. Романова связывали давние, еще с начала 20-х гг., служебные (по Центрархиву) и личные отношения. В этом отзыве справедливо отмечалось, что книга «Россия в Маньчжурии» «могла бы быть даже образцовой докторской диссертацией». Е. В. Тарле выразил глубокое убеждение в том, что «советская наука имеет основание много ждать еще от Б. А. Романова, так много успевшего уже дать».¹⁴ Письменные отзывы представили также Б. Д. Греков, С. Н. Валк и С. Б. Окунь. На заседании Совета выступили Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, С. Н. Валк и В. В. Струве, один год занимавшийся вместе с Б. А. Романовым в семинарии у С. Ф. Платонова. Все они дали, как записано в протоколе, «чрезвычайно высокую характеристику научных работ Б. А. Романова», и на этом основании в результате тайного голосования ему была присвоена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации.¹⁵ В марте же 1939 г. Б. А. Романов сдал в Институт истории переработанную рукопись книги о русско-японской войне, выросшую до 20 печ. листов, которую, однако, невозможно было издать без ссылок на книгу «История ВКП(б). Краткий курс», опубликованную незадолго до этого, в 1938 г. Б. А. Романов, как и другие научные работники, оказался перед необходимостью с этой целью заново пересмотреть свою рукопись, и лишь после ее экспертизы в сентябре 1939 г. с ним был заключен новый договор — теперь на издание книги.¹⁶

В 1940 г. шла работа с издательским редактором Соцэкгиза над ее рукописью, и к концу года она уже была подготовлена к печати. Одновременно по совету Б. Д. Грекова и при поддержке Е. В. Тарле Б. А. Романов решил представить ее к защите в качестве докторской диссертации. Но для этого он вновь пересмотрел текст книги, внося в нее ряд корректив. Они, вероятно, были столь существенными, что автор посчитал необходимым заменить уже отредактированный издательством вариант книги новым. Возникшая конфликтная ситуация была погашена письмом А. Л. Сидорова, направленным руководству издательства 15 января 1941 г., в котором он сообщил, что как ответственный редактор книги поддерживает замену отредактированного текста на текст, «подготовленный для диспута», оговорив возможность внесения им, вероятно, небольших поправок «в связи с дискуссией при защите докторской диссертации».¹⁷

Через неделю, 22 февраля 1941 г., в Москве, куда Б. А. Романов, как он рассказывал, отправился, заняв деньги, на заседании Ученого совета Института истории АН СССР состоялась наконец защита докторской диссертации «Русско-японская война (экономика, политика, дипломатия). 1895—1905». В качестве официальных оппонентов выступали Е. В. Тарле, Е. М. Жуков и А. Л. Сидоров.

В обширной вступительной речи Б. А. Романов счел необходимым познакомить членов Совета со своей научной биографией — от студенческой работы до момента защиты диссертации. При этом он, со свойственным ему мастерством, обрисовал историографическую ситуацию, в которой ему пришлось в 20-х гг. начинать работу над международно-политическими сюжетами, говорил о методических принципах, которыми он руководствовался, о трудностях, возникших при исследовании этой проблематики, о своей первой книге («Россия в Маньчжурии»), которая и стала своего рода предысторией этой, второй, хотя еще и не изданной книги, о противоречивых откликах на нее, о своей попытке получить за нее докторскую степень и

мотивах отказа, об обстоятельствах, сопровождавших перерастание научно-популярной работы в эту сугубо исследовательскую книгу.

В методологической постановке проблемы Б. А. Романов резко противопоставил себя М. Н. Покровскому, что безусловно выглядело бы нарочитым, если бы осведомленная аудитория не помнила, что и в «России в Маньчжурии», за 13 лет до этого, он фактически также развивал концепцию, во многом принципиально расходящуюся с позицией Покровского и его учеников, о чем Б. А. Романов счел необходимым тут же и сказать.

Теперь, в 1941 г., для подкрепления этой концепции, хотя она была и без того убедительно обоснована, невозможно стало обойтись без ссылок на работу В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», цитаты из которой интерпретировались Б. А. Романовым, однако, таким образом, что они фактически служили не предпосылками, а подтверждением уже прежде выработанной в результате анализа отечественных и зарубежных источников концепции — еще тогда, когда над автором не висела обременительная необходимость руководствоваться «указаниями классиков марксизма-ленинизма». Обязательные же ссылки на «Краткий курс истории ВКП(б)» автор стремился приводить так, чтобы цитаты подтверждали его собственные выводы и заключения (а не наоборот). «„Моя“ буржуазия с „моим“ рынком», говорил Б. А. Романов, к его радости оказались в цитируемом им фрагменте из «Краткого курса» «на первом месте». «Значит, — продолжал он, — мой исторический инстинкт <...> и бдительная работа не дали мне сбиться с верного курса и привели меня к маяку». В таком контексте приведенная цитата звучала для него «как оправдательный вердикт». Эта рискованная и столь свойственная Б. А. Романову эскапада могла быть элементом лишь устного выступления, но конечно не опубликованного текста. Он даже рискнул намекнуть на то, что книга в ее концептуальной основе была уже готова в 1937 г., следовательно, как могли заключить слушатели, до опубликования «Краткого курса», вышедшего в свет годом позже.

Б. А. Романов далее остановился на задачах, которые он перед собой поставил, на способах их решения и на выводах, к которым пришел. В заключение он высказал сокровенную мысль, не искаженную ни политической конъюнктурой, ни стремлением не показаться нескромным: он работал «на самом стыке буржуазной и советской историографии», не над «какой-либо грошовой темой», а над «темой, которую невозможно переоценить именно для советской науки». Тем самым Б. А. Романов в иносказательной, хотя и прозрачной, форме определил свое место в исторической науке: будучи представителем старой, к тому же петербургской, школы, он рискнул вторгнуться в заповедную зону марксистско-ленинской историографии и вынужден был подчиниться некоторым ею установленным правилам. «Эту тему, — закончил свою речь Б. А. Романов, — в мое время впервые приходилось ставить на документальную и научную базу. Я начал это дело, как умел, и один теперь дотянул до сего дня. Надеюсь, что не бросят здесь в меня камнем за это».¹⁸

Никто действительно не бросал в диссертанта камни. Выступления официальных оппонентов носили весьма комплиментарный характер. А. Л. Сидоров, правда, сделал ряд замечаний, не согласившись (как и прежде) с трактовкой Б. А. Романовым проблемы «виновников войны». Е. М. Жуков развил тему особенностей японского империализма. Е. В. Тарле всецело поддержал Б. А. Романова, выразив недоумение тем, что он до сих пор не стал доктором наук, каковым его признают де-факто уже давно. Можно утверждать, что защита прошла триумфально для Б. А. Романова и завершилась присвоением искомой степени.

Ученый надеялся, что теперь для него может возникнуть новая ситуация, и ему удастся наконец освободиться от унижительной гонки за договорными

работами, надеялся на более устойчивый социальный статус, думал, что станет возможным поступление в академический институт. Ведь всего за год до защиты именно такой институт сумел, как писал Б. А. Романов, «отхлопотать» его из ссылки на 101-й км. Здоровье его все больше расшатывалось, возможностей для систематического лечения не было. Приближалась безрадостная старость. Поэтому для него эта диссертация и эта защита были последней ставкой на кону, выигрыш которой означал жизнь. Вряд ли поэтому Б. А. Романов колебался, когда насыщал свою диссертационную работу ссылками на «классиков марксизма-ленинизма». Ему навязали правила игры, не оставив иного выхода, — и он вынужден был принять их. Как иначе мог поступить опальный историк, которого в течение 10 лет тоталитарная власть арестовывала и гноила в тюрьме, затем в концлагере, не давала права жить с семьей, высылала из родного города, грозила новыми репрессиями, препятствовала работе по специальности?

Надежда не обманула на этот раз Б. А. Романова. 20 июня 1941 г. решением Академии наук ему было присвоено звание старшего научного сотрудника, а 21 июня, в самый канун войны, ВАКом было утверждено и решение Ученого совета Института истории АН СССР: Б. А. Романов стал наконец доктором исторических наук.¹⁹

Прошло еще несколько дней, и Институт истории материальной культуры, по заказу которого им был написан ряд замечательных исследований, 9 июля принял его в свой штат. Очень скоро, в период ленинградской блокады, докторская степень и работа в академическом институте спасли ему жизнь.

Но это уже другая история.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; *Штакельберг Н. С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // *In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка*. М.; СПб., 1995. С. 19—77; *Ананьич Б. В.* О воспоминаниях Н. С. Штакельберг // Там же. С. 77—86; *Ананьич Б. В., Паняев В. М.* Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929—1931 гг.» Вып. 1) // Там же. С. 87—111.

² Цит. по: *Фурсенко А. А.* О жизненном пути Б. А. Романова // *ВИ*. 1989. № 11. С. 157.

³ Б. А. Романов — П. Г. Любомурову. 15—16 декабря 1933 г. // ГИМ. ОПИ, ф. 470, д. 234, л. 21—22.

⁴ Б. А. Романов — П. Г. Любомурову. 3 мая 1935 г. // Там же, л. 46.

⁵ Б. А. Романов — П. Г. Любомурову. 12 ноября 1935 г. // Там же, л. 37.

⁶ Речь Б. А. Романова на защите докторской диссертации // Архив СПб. ФИРИ, ф. 298, оп. 1, д. 75, л. 9—11.

⁷ *Ананьич Б. В.* Мемуары С. Ю. Витте в судьбе Б. А. Романова // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Б. А. Романова. СПб., 1991. С. 37.

⁸ См.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907—1915 гг. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 323—326. См. также: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994. С. 36—38.

⁹ Архив СПб. ФИРИ, ф. 298, оп. 1, д. 66.

¹⁰ Там же, д. 13, л. 2.

¹¹ Там же, л. 1.

¹² Там же, л. 3.

¹³ Там же, л. 6.

¹⁴ Там же, л. 7.

¹⁵ Там же, л. 10.

¹⁶ Там же, д. 7, л. 17.

¹⁷ Там же, д. 10, л. 7.

¹⁸ Там же, д. 75, л. 1—17, 1а—8а.

¹⁹ Там же, д. 13, л. 13.